

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

ВООБРАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ

Господин Бовари.....	27
Красная Шапочка	33
Дракула.....	39
Алиса	43
Фауст	51
Гертруда	55
Супермен.....	61
Дон Жуан	69
Лилит.....	73
Вечный Жид.....	79
Спящая красавица	85
Фиби.....	91
Сон Чжин	97
Джим	103
Химера.....	113
Робинзон Крузо	119
Квикег	127
Тиран Бандерас.....	133

Сид Ахмед Бен-инхали	141
Иов.....	151
Квазимодо	157
Кейсобон	163
Сатана	173
Гиппогриф	179
Капитан Немо	185
Чудовище Франкенштейна	193
Песочный человек	199
Иона.....	205
Донна Эмилия	221
Виндиго	225
Дедушка Хайди.....	231
Умная Эльза	237
Долговязый Джон Сильвер	241
Карагёз и Хадживат.....	247
Эмиль	253
Синдбад.....	261
Уэйкфилд.....	265
 <i>Благодарности.....</i>	 271
<i>Источники.....</i>	<i>273</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

— Это детеныш, — с готовностью ответил Зай Атс. Он подошел к Алисе и, представляя ее, широко повел обеими руками, приняв одну из англосаксонских поз. — Мы только сегодня ее нашли! Это самый настоящий, живой детеныш — живее некуда!

— А я-то всегда был уверен, что дети — просто сказочные чудища, — заметил Единорог. — Как ты сказал? Она живая?

— Она говорящая, — торжественно отвечал Зай Атс. Единорог задумчиво посмотрел на Алису и проговорил:

— Говори, детеныш!

Губы у Алисы дрогнули в улыбке, и она сказала:

— А знаете, я всегда была уверена, что единороги — просто сказочные чудища! Я никогда не видела живого единорога!

— Что ж, теперь, когда мы увидели друг друга, — сказал Единорог, — можем договориться: если ты будешь верить в меня, я буду верить в тебя! Идет?

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

*Сквозь зеркало и что там увидела Алиса,
или Алиса в Зазеркалье¹*

¹ Пер. Н. Демуровой. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

Туристические гиды предлагают нам экскурсии по нелегким маршрутам Одиссея и Дон Кихота. Нам показывают облупившиеся здания, где якобы находятся спальня Дездемоны и балкон Джульетты. Нас уверяют, что в Колумбии есть Макондо, та самая деревушка, где жил Аурелиано Буэндиа, а один из островов архипелага Хуан-Фернандес может похвастаться тем, что несколько столетий назад дал приют империалисту-одиночке Робинзону Крузо. Вот уже много лет Британская почтовая служба завалена корреспонденцией, адресованной Шерлоку Холмсу, Бейкер-стрит, 221б, а Чарльз Диккенс в свое время получал поток гневных писем, обвиняющих его в смерти Крошки Нелл из «Лавки древностей». Биология говорит нам, что мы произошли от существ из плоти и крови, но в глубине души мы знаем, что мы сыны и дочери призраков из чернил и бумаги. Когда-то Луис де Гонгора так определил их:

А Сон, податель пьес неутомимый,
В театре, возведенном в пустоте,
Прекрасной плотью облачает тени...¹

Слово *fiction* вошло в английский язык в начале XV в. в значении «нечто вымышленное или воображаемое». И произошло оно, как говорят нам этимологические словари, — через посредство французского языка — от причастия прошедшего времени латинского глагола *fingerе*, означавшего «месить или лепить из глины». Таким образом, *fiction* — это своего

¹ Пер. П. Грушко.

рода словесный Адам, вылепленный из первозданного праха по образу и подобию Автора, тот, в кого Автор вдохнул дыхание жизни. Возможно, именно поэтому, вопреки всему, лучшие из вымышленных персонажей зачастую кажутся более живыми, чем наши знакомые из плоти. Они меняют сюжет при каждом нашем прочтении, высвечивая одни сцены и затеняя другие, добавляя ошеломляющий эпизод, о котором мы почему-то забыли, или деталь, которая прежде оставалась незамеченной. Предостережение Гераклита о времени верно для каждого читателя: мы никогда не входим дважды в одну и ту же книгу.

Для читателей открытие мира часто происходит на страницах книг. Когда Алиса встречает в Зазеркалье Шалтая-Болтая, сидящего в опасном положении на узкой стене, она заботливо спрашивает его, не думает ли он, что внизу ему будет спокойнее. «К чему мне падать? — ворчит в ответ Шалтай. — Но даже если б я упал — что совершенно исключается, — но даже если б это вдруг случилось... — Он делает торжественную паузу. — *Король обещал мне... Да, он так мне прямо и сказал, что он...*» — «...Пошлет всю свою конницу, всю свою рать!» — перебивает Алиса довольно неблагоприятно. Шалтай внезапно впадает в истерику. «Ты подслушивала под дверью... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!» — кричит он. «Нет, я не подслушивала, — отвечает Алиса очень вежливо. — Я узнала об этом из книжки». Ни один истинный читатель не удивился бы Алисиному объяснению.

Читатели всего мира преклоняются перед такими авторами, как Шекспир и Сервантес, но эти люди,

увековеченные на внушительных строгих портретах, не столь осязаемы, как их бессмертные творения. Король Лир и леди Макбет, Дон Кихот и Дульсинея — реальные личности даже для многих из тех, кто никогда не читал книг про них. Нам больше известно о хитросплетениях страстей царицы Дидоны и Дон Жуана, чем о личной жизни Вергилия и Мольера, за исключением тех аспектов, которые раскрыты в романах Германа Броха¹ и Михаила Булгакова. Читатели всегда знали, что мечты и вымысел дают жизнь миру, который мы называем реальным.

Данте хорошо это понимал. Оставив позади страшные врата с надписью, повелевающей оставить все надежды, в IV песни «Ада» Вергилий показывает Данте «высокий замок»², где обитают души праведников, родившихся до пришествия Христа. Среди мужчин и женщин «с неторопливым и спокойным взглядом», которых Данте там видит, он замечает Энея, героя, придуманного Вергилием, и упоминает его буквально в двух словах: «и Эней». Данте как будто понимает, что если он решил наделить Вергилия сложной реальностью, необходимой для него как одного из трех главных героев «Комедии», то воображаемый персонаж (Эней) не может обладать таким же литературным весом, как персонаж, вообразивший его (Вергилий). Эней существует в «Комедии», но только как мимолетная тень, чтобы Вергилий мог укорениться в сознании читателя не просто как исторический

¹ Герман Брох (1886–1951) — австрийский писатель, автор романа «Смерть Вергилия». — *Прим. ред.*

² Здесь и далее пер. М. Лозинского.

автор «Энеиды», но и как запоминающийся спутник в странствиях Данте.

В мои подростковые годы благодаря одному не лишнему странностей школьному учителю мы прочли кое-что из трудов Эдмунда Гуссерля по феноменологии, которые захватили наши идеалистические умы. Хотя взрослый мир по большей части, похоже, требовал, чтобы нас волновали только осязаемые вещи, Гуссерль, к нашему восторгу, заявлял, что мы способны формировать связь — даже глубокую связь — с вещами, которые считаются несуществующими. Насколько известно, нет доказательств осязаемого существования русалок и единорогов, хотя в средневековых китайских bestiариях и утверждается, что единороги попадают на глаза редко по причине их крайней врожденной пугливости. И тем не менее Гуссерль настаивал, что человеческий ум можно специально направлять на эти воображаемые сущности и создавать между нами и ними то, что он непоэтично называет «нормальными диадическими отношениями». Я установил такие отношения с сотнями подобных существ.

Но не всякий литературный персонаж становится избранником читателя; лишь наши самые любимые герои следуют за нами на протяжении всей жизни. Что касается меня, я не переживаю как собственные, несомненно, душераздирающие страдания Ренцо и Лючии в «Обрученных»¹, Матильды де ла Моль и Жюльена Сореля в «Красном и черном» или

¹ Речь идет о романе Алессандро Мандзони (1785–1873) «Обрученные» (1827), считающемся одним из важнейших текстов итальянской литературы XIX в. — *Прим. науч. ред.*

озабоченного своим положением семейства Беннет из «Гордости и предубеждения». Мне ближе праведный гнев графа Монте-Кристо, непоколебимая уверенность в себе Джейн Эйр, рассудительная меланхолия господина Теста у Поля Валери. Есть у меня немало и более близких товарищей: честертоновский «Человек, который был Четвергом» волшебным образом помогает мне справляться с абсурдом повседневной жизни; Приам учит оплакивать смерть младших друзей, а Ахилл — любимых старших; Красная Шапочка и пилигрим Данте ведут меня через темные леса по дороге жизни; сосед Санчо, изгнанник Рикоте, позволяет мне понять кое-что о печально известном явлении — предрассудках. И таких очень много.

Возможно, одно из главных привлекательных свойств этих сказочных чудищ — их множественные и изменчивые идентичности. Укорененные в собственных историях, вымышленные персонажи не умеют жить внутри книги, будь она тонкая или толстая. Гамлет рождается уже взрослым под глухими аркадами Эльсинора и умирает еще молодым среди груды трупов в одном из пиршественных залов замка, но поколения читателей извлекают из мрака ненаписанной истории его жизни и фрейдистское детство, и посмертную политическую карьеру — в Третьем рейхе, например, он был самым популярным персонажем на немецкой сцене. Мальчик-с-пальчик вырос, Елена стала сморщенной старухой, бальзаковский Растиньяк работает в Международном валютном фонде, Одиссей потерпел кораблекрушение на побережье Лампедузы, Ким устроился в британский МИД, Пиноккио

чахнет в концентрационном лагере для детей в Техасе¹, принцесса Клевская вынуждена искать работу в Скид-Роу². В отличие от своих читателей, которые стареют и никогда не становятся молодыми вновь, литературные герои — и такие, какими они были, когда мы читали их истории впервые, и такие, какими они стали после множества прочтений. Каждый вымышленный персонаж подобен Протею, морскому боже-ству, которому Посейдон даровал способность превращаться в любую из форм во Вселенной. «Я сам знаю, кто я таков, — говорит Дон Кихот во время одного из своих первых приключений, когда сосед пытается убедить его, что он не воображаемый персонаж его любимых рыцарских романов, — и еще я знаю, что имею право назваться не только теми, о ком я вам рассказывал, но и всеми Двенадцатью Пэрами Франции, а также всеми Девятью Мужами Славы, ибо подвиги, которые они совершили и вместе и порознь, не идут ни в какое сравнение с моими»³. Дон Кихот с эмпатией воспринимает множество разных личностей персонажей своих книг.

К вопросу об этимологии. Как и *симпатия*, слово *эмпатия* происходит от греческого корня *πάθος*, означающего «терпеть» или «подвергаться». Слово *empathes* в смысле «подвергающийся сильному воздействию» редко встречается в греческом корпусе. Аристотель,

¹ Отсылка к резонансным событиям 2021 г., когда в палаточном лагере Техаса, на военной базе Форт-Блисс в Эль-Пасо, в ожидании воссоединения с семьями содержались в ужасающих условиях более чем 2000 подростков, которые в одиночку пересекли границу США и Мексики. — *Прим. ред.*

² Бедный район Лос-Анджелеса.

³ Пер. Н. Любимова.

например, использует этот термин лишь однажды, в своем трактате «О сновидениях», имея в виду панический страх труса, увидевшего во сне приближение врагов. В английском языке слово *empathy* сравнительно недавнее изобретение. В 1909 г. Эдвард Брэдфорд Титченер, психолог Корнеллского университета, предложил этот термин в качестве перевода немецкого *Einfühlung*. По мнению Титченера, этот эмоциональный импульс «вчувствования» во что-то или в кого-то — стратегия, которую мы используем для того, чтобы найти во внешних примерах (как в аристотелевском сновидении труса) решения своих внутренних конфликтов. Эмпатия, полагает Титченер, исцеляет «Я».

Дэвид Юм пришел к этому раньше. В 1739 г., в своем «Трактате о человеческой природе», он заметил: «И действительно, вполне очевидно, что, когда мы симпатизируем аффектам и чувствам других, эти душевные движения сперва возникают в нашем духе в качестве простых идей и мы представляем их себе принадлежащими другому лицу так же, как представляем любовью другой факт. Очевидно также, что идеи чужих аффектов превращаются в те самые впечатления, которые они воспроизводят, и что аффекты возникают в соответствии с теми образами, которые мы о них составляем»¹. Гуссерль сказал бы, что эти «другие» обязательно должны быть из плоти и крови.

Мой собственный опыт был гуссерлевским. Свою автобиографию можно конструировать по-разному: из мест, где вы жили, из снов, которые вы видели

¹ Пер. С. И. Церетели, В. В. Васильева, В. С. Швырева.

и помните до сих пор, из примечательных встреч со знаменитостями, просто в хронологическом порядке. Я всегда представлял свою жизнь как перелистывание страниц множества книг. Мое чтение, образующее воображаемую картографию, определяет практически каждый аспект моих внутренних переживаний, и я могу проследить до определенного абзаца или строки почти все, что, как мне кажется, знаю о самых важных вещах.

На страницах, описывающих дальние страны и дела минувших дней, мы наблюдаем и современный опыт. В наше собственное печальное время вынужденные миграции, не теряющие надежды беженцы, потерпевшие кораблекрушение просители убежища — все это отражено в образе Одиссея, пытающегося обрести свой дом. В исследовании, проведенном в 1992 г. сотрудником Гвадалахарского университета в Мексике, один из опрошенных мигрантов так описывал свои попытки добраться до США: «Север похож на море, — сказал этот человек. — Когда путешествуешь нелегально, тебя тащит, как хвост животного, как мусор. Я представлял себе, как море прибывает мусор к берегу, и говорил себе: я просто будто в океане, меня снова и снова выбрасывает». Это опыт Одиссея, покинувшего Калипсо в новой попытке достичь Итаки, но опасавшегося, что его ждет жалкий конец:

Так говорил он. Внезапно волна исполинская сверху
С страшным обрушилась шумом на плот и его
закрутила.

Сам он далеко упал от плота, из руки ослабевшей

Выпустив руль. Пополам разломилась на самой
середине
Мачта от страшного вихря различных сшибавшихся
ветров.
В море далеко снесло и помост и разорванный парус.
Сам Одиссей под водой очутился. Мешал ему сильно
Вынырнуть тотчас напор вздымавшихся волн
исполинских.
Сильно одежда мешала, ему подаренная нимфой.
Вынырнул он наконец из пучины, плюясь
непрерывно
Горько-соленой водою, с его головы нистекавшей.
Как ему ни было трудно, но все ж о плоте не забыл он.
Вплавь через волны за ним погнался, за него
ухватился
И в середине уселся плота, убегая от смерти.
Плот волна и туда и сюда по теченью носила.
Так же, как северный ветер осенний гоняет равниной
Стебли колючие трав, сцепившихся крепко друг
с другом, —
Так же и плот его ветры по бурному морю гоняли¹.

Опыт мира — любовь, смерть, дружба, утрата, благодарность, недоумение, тоска, страх — обо всем этом и о собственной меняющейся идентичности я гораздо больше узнавал от вымышленных персонажей, которых встречал в книгах, чем от собственной физиономии в зеркале или от отражения в глазах других. У Элиота в «Бесплодной земле» есть такие строки:

¹ Пер. В. В. Вересаева.

И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха¹.

Это в точности мои чувства.

Первой показавшей мне ужас «пригоршней праха», насколько я помню, был красивый жених-разбойник из сказки братьев Гримм. Его нареченная невеста тайком попадает в его дом и обнаруживает, что ее жених — главарь банды убийц. Спрятавшись за бочкой, она видит, как будущий муж и его сообщники затаскивают в дом кричащую, плачущую девушку. «Дали они ей выпить три полных стакана вина: один стакан белого, другой красного, а третий янтарного, и у нее от этого напитка разорвалось сердце. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили ее на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью»². Сказка, конечно, заканчивается наказанием преступников «за их разбойные дела», но для меня это был не конец. Роберт Льюис Стивенсон рассказывал про свой повторяющийся кошмар — «некий оттенок коричневого, против которого он ни капли не возражал во время бодрствования, но испытывал к нему страх и отвращение в сновидениях»³. И много ночей потом меня преследовало видение трех цветов вина, бросающих свой призматический свет на куски расчлененного тела.

¹ Пер. А. Сергеева.

² Пер. Г. Петникова.

³ Из эссе Стивенсона «Глава о снах» (A Chapter on Dreams, 1892). Пер. М. Елифёровой.

Мой отец был дипломатом, и поэтому мое детство проходило в основном в переездах с места на место. Комнаты, в которых я спал, слова, которые доносились снаружи, и ландшафты вокруг постоянно менялись. Неизменной оставалась лишь моя библиотечка, и я помню огромное облегчение, которое ощущал, когда, оказываясь в очередной раз в незнакомой кровати, открывал свои книги и там на ожидаемой странице находил тот же старый сюжет и ту же старую иллюстрацию. Дом для меня находился в сказках — как в физическом предмете, который я держал в руках, так и в печатном слове. Когда Крот из «Ветра в ивах» возвращается в свой домишко из большого внешнего мира, он блуждает взглядом по старой комнате, видит, как в ней все просто и скромно, и понимает, как много это для него значит. Помню что-то вроде укола зависти, — чувство, которое я испытывал, зная, что ему есть куда возвращаться: «что этот домик — это его домик и что на все эти предметы, которые так ему рады, он может положиться и рассчитывать, что они всегда приветят его — радостно и душевно»¹.

Любовь пришла ко мне примерно тогда, когда мне исполнилось восемь, мы переехали в Буэнос-Айрес, и я получил собственную комнату, где мог держать книги. Она пришла более или менее в то же время, что и страх, и тоже через одну из сказок братьев Гримм «Настоящая невеста», более утонченную версию истории о Золушке, в которой влюбленные с самого начала знают, что предназначены друг для друга и после чреды магических препятствий воссоединяются, чтобы

¹ Пер. И. Токмаковой.

жить долго и счастливо. Я знал, что где-то меня, безусловно, ждет моя пока еще безымянная возлюбленная. Позже, в подростковом возрасте, когда во мне произошло первое эротическое волнение, я боялся, что, если изъяслять свои чувства напрямую, моя откровенность будет восприниматься как оскорбительная и отталкивающая. Однако адресованные Ромео слова Джульетты предостерегали меня от искусственной застенчивости: «Если ж ты находишь, / Что слишком быстро победил меня, / Нахмурюсь я, скажу капризно: “Нет”, / Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!»¹ Я стал следовать ее совету с неоднозначными результатами.

Когда наконец я впервые по-настоящему влюбился и пытался разобраться в своих чувствах — смеси из замешательства, неги и триумфа, мне прояснила их строчка, которой завершается «Ким» Киплинга, — о том, что чувствовал лама по отношению к своему чела: «Он сложил руки на коленях и улыбнулся как человек, обретший спасение для себя и для того, кого он любит»². А еще я находил отзвук своей слепой головокружительной преданности в словах, которые обезглавленный ученик Лин говорит своему наставнику в восточной сказке Маргерит Юрсенар³ «Как был спасен Вань Фу». Видя перед собой призрак своего ученика, Вань Фу говорит ему: «Я думал, что ты умер». А Лин отвечает ему: «Вы ведь живы, так как же мог умереть я?»⁴ И правда, как?

¹ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

² Пер. М. Клягиной-Кондратьевой.

³ Маргерит Юрсенар (1903–1987) — французская писательница, автор сборника «Восточные новеллы» (1938). — *Прим. науч. ред.*

⁴ Пер. В. Жуковой.

Садег Хедаят¹ в «Слепой сове» заверяет нас, что «на протяжении всей жизни смерть нас ведет»². Благодаря «Слепой сове» и другим историям теперь я чувствую, что у меня есть как минимум путеводитель по этому маршруту, который поможет мне, когда мне придется им пройти. Для начала я знаю, что смерть будет не существительным, а глаголом. Когда в «Королевской дороге» Андре Мальро³ рассказчик упоминает о смерти в присутствии своего агонизирующего друга, тот реагирует возмущенно и гневно: «Смерти... нет... Есть только... я... Я... который должен умереть...»⁴ А толстовский Иван Ильич описывает для меня это ощущение чувства конца так: «С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление». Мне кажется, я точно знаю, что он имеет в виду. Однако, если бы я мог выбирать себе смерть, я выбрал бы судьбу писателя Бергота в саге Пруста: «Бергота похоронили, но всю траурную ночь его книги, выставленные по три в освещенных витринах, бодрствовали, словно ангелы с простертыми крыльями, и казались символом воскресения того, кого больше не было»⁵.

В минуты нерешительности, тоски и сомнения мне всегда помогает совет, который Страшила дает Дороти, когда они подходят к Темному Лесу, — просто

¹ Садег Хедаят (1903–1951) — иранский писатель, считающийся одним из родоначальников модернизма в Иране. — *Прим. науч. ред.*

² Пер. А. Розенфельд.

³ Андре Мальро (1901–1976) — французский писатель. — *Прим. науч. ред.*

⁴ Пер. Н. Световидовой.

⁵ Из романа «Пленница». Пер. А. Франковского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru